

¹ Институт этнографии АН СССР является коллективным членом МОЭФЕ с 1967 г. Директор института Ю. В. Бромлей — его вице-президент, зам. директора Л. М. Дробижева — член административного совета МОЭФЕ.

² См. например: *Ethnological Food Research in Europe and USA* / Ed. by Bringeus N.-A., Wiegelmann G. Göttingen, 1971; *Ethnologische Nahrungsforschung: Ethnological Food Research* / Ed. by Valonen N., Lehtonen J. U. E. Helsinki, 1975; *Food in Perspective* / Ed. by Fehton A., Owen T. Edinburgh, 1981.

³ См., *Salomonsson A. A Conference on Ethnological Research on Diet and Eating // Ethnologia Europaea. 1984. XIV. № 2. P. 181—183.*

НАРОДЫ СССР

Т. А. Бернштам. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 277 с.

Т. А. Бернштам приступает к теме буквально с первых строк своей книги. Половозрастная тема до сей поры, по крайней мере для восточно-славянской и русской этнографии, является «чистым листом» и не занимает подобающего места в этнографической науке. Более того, существовало весьма устойчивое убеждение, что данная тема — анахронизм и должна возникать лишь постольку, поскольку приходится обращаться к ней в связи с архаическими функциями в ритуальной сфере жизни. Лишь в последние годы, особенно после выхода в свет серии книг «Этнография детства» под ред. И. С. Кона, существенно увеличилось знание научных исследований половозрастной проблематики. Возрастные категории начали обретать более глубокий и актуальный смысл, когда научное сообщество приступило к их междисциплинарному анализу. Данная тенденция получила мощную поддержку со стороны Т. А. Бернштам. В конце 1970-х годов она нашла свой угол зрения на возрастные процессы, вписав их в контекст обрядовой жизни русской общины и установив, что половозрастная классификация имеет значение не только в структурах повседневности любой социальной ячейки, но также и в архаическом сознании, ядре народного мировоззрения, с помощью которого регулировалась как бытовая, так и ритуальная сфера. Уже тогда Т. А. Бернштам выдвинула серьезную идею — предложила понимать половозрастную структуру более широко, как вполне определенное и важное биосоциальное звено в механизме воспроизводства, эволюции и передачи культурных ценностей, где народные знания и групповой опыт выступали предпосылкой, «залогом», по выражению автора, продолжения человеческого рода. Данный тезис, развитый до уровня концепции со всеми необходимыми аргументами и обоснованиями, составляет основу содержания рецензируемой книги. Для того чтобы оценить дистанцию, отделяющую работу Т. А. Бернштам от места нахождения наших «усредненных» представлений о значении половозрастной структуры, еще раз напомним, что в наиболее типическом случае исследователи все многообразие проблем данной области сводили к узким сферам, касаясь, например, положения детей, женщин или высветывая отдельные стороны бытия молодежи. Парадокс состоит в том, что народное мировоззрение угадывало за половозрастными процессами в человеческом обществе космические циклы, а сами категории «пол» и «возраст» полагало универсальными. «Культурное поле» этого мировоззрения оказывалось, таким образом, существенно больше размеров того «поля», куда данные категории относило (до недавнего времени) научное мировоззрение. Отсюда и «урок», преподанный нам книгой Т. А. Бернштам: контекстом половозрастной темы является весь групповой опыт того или иного этноса или его части.

Менее всего хотелось бы пересказывать книгу. Она многозначна, и, видимо, профессионал сумеет обнаружить в ней «свое». Размышляя над прочитанным, я ощутил прежде всего потребность сказать о следующем. Книга возвращает половозрастной структуре истинное место в жизнедеятельности крестьянской общины. Из признака «смазанного» половозрастная дифференциация стала признаком полноценным, к тому же сменившим свою привычную описательную роль на роль объяснительную. Причина такой метаморфозы в том, что автору удалось соединить в анализе два прежде разорванных начала — биологическое и социальное. Синтез этих начал обладает большим эвристическим потенциалом. С его помощью установлено определенное соответствие двух систем эмпирических признаков — половозрастных и социально-возрастных характеристик. На следующем этапе анализа «единицы» половозрастной структуры были наделены правами субъектов деятельности и поведения. Едва это было сделано, как сами деятельность и поведение, включая поведение обрядовое, оказались «навечно» вписанными в жизненный процесс. В итоге Т. А. Бернштам не только предположила, но и доказала, опираясь на различные источники, что половозрастная дифференциация обеспечивает мировоззренческую мотивированность или упорядочение людей. Я не стану рассказывать, каким образом данный тезис получает свое подтверждение, и отсылаю читателей ко 2-й и 3-й главам книги. Здесь, кажется, важнее всего результат, а не логика авторских рассуждений. Сквозь призму половозрастных представлений можно и должно увидеть в нужных подробностях не только реалии, но и механизм приспособления к природной и социальной среде, или половоз-

растная структура, раскрытая во всей своей сложности, позволяет увидеть освоение людьми процессов самой жизни. Из этого вытекают как минимум два важных свойства рецензируемой книги.

Первое — высокая актуальность исследования, предпринятого Т. А. Бернштам. Научное, да и не только научное, но и общественное сознание весьма поверхностно судит о возрастных (половозрастных) категориях, часто не видит смысла в учете вариаций половозрастной дифференциации. Деление на «возрасты» и стадии жизненного цикла производится механически и весьма приблизительно: детство, юность, зрелость, старость. «Оттенкам» этих терминов не уделяется большого внимания. Физический возраст и его константы (7, 16, 18...55, 60 лет) носят как бы всеобщий характер. Считается, что с помощью этих констант можно довольно легко осуществить две операции: членение на равновеликие отрезки жизненного цикла индивидов и «разрезание» населения на возрастные слои. Допущения, которыми мы пользуемся, игнорируют нелинейность возраста и возрастного развития. Пренебрежение тонкостями онтогенеза порождает «стартовую» ошибку. Она усиливается искаженными (упрощенными) представлениями о половозрастной, т. е. двухмерной, структуре, число элементов которой превышает число возрастных групп, согласно статистике народонаселения, умноженное на два. В итоге возникает ошибка второго порядка. Ошибка третьего порядка — результат примитивизации представлений о реальной социоловозрастной структуре. Сложность этого теперь уже трехмерного построения наше сознание ухватывает еще приблизительно, ограничиваясь часто регистрацией таких «единиц», как «матери-одиночки» или «мужчины — ветераны войны». Сложность четвертого рода (соответственно и ошибка) — социоловозрастные «ячейки» в разных этнокультурных средах. Их вовсе не замечают наше сознание и институции общества. Итог наших «выпрямленных» представлений о тонкостях половозрастного разделения печален. За «единицами», на которые распадается половозрастная структура, стоят качественно различные социальные состояния, свойственные фазам «детства», «молодости» и «старости». Социальных состояний такого рода существенно больше, чем принято считать. Четкие контуры множеств и подмножеств этих состояний позволяет обнаружить анализ традиционного сельского общества, предпринятый Т. А. Бернштам. Ее наблюдения и размышления, относящиеся к жизни крестьянской общины в конце прошлого — начале нынешнего века, не потеряли своего значения и сейчас. Приняв на вооружение методологию Т. А. Бернштам, мы можем значительно обогатить свое понимание динамики, обновления и изменений современной социальной структуры. Следовательно, книга адресована не только этнографам, но и социологам, демографам, экономистам, всем, кто профессионально занимается механизмами дифференциации общества.

Второе качество книги — ее новизна. Книга, с одной стороны, предлагает новые подходы к темам, в принципе известным науке (возрастной символизм, зависимость труда и досуга от фазы половозрастного развития). С другой стороны, автор пытается переместить этнографическое за пределы очерченных границ. Речь идет об успешных попытках дать космически-природное объяснение как обычному порядку жизни, так и его обрядовой стороне, соединить естественно-природные и социальные функции, специфически природную и социальную организацию традиционного коллектива. Этим книга придвигает этнографию к переднему фронту современной науки — экологии человека, космоантропозологии, поискам путей выживания человеческой цивилизации на планете. Т. А. Бернштам делает здесь хотя и первые, но очень уверенные шаги. Ею поставлен вопрос о том, что едва ли не все события повседневной деятельности и соответствующие им символические (обрядовые) элементы имеют объяснение со стороны процессов адаптации человека к биосфере; что едва ли не во всех этнокультурных феноменах может быть выделена экологическая составляющая, имеющая вполне определенное «смысложизненное» значение. Именно поэтому этнографический анализ может быть непосредственно включен в современные комплексные направления науки, о которых шла речь выше.

Хотелось бы далее подчеркнуть еще одну особенность книги — ее междисциплинарность. Речь прежде всего о глубоком, органическом историзме работы. Но об этом мы пишем довольно часто и потому прочную опору на историческое знание хотелось бы отметить как объективный факт. Интереснее и оригинальнее кажутся успешные попытки использовать богатейший фонд народной лексики и с его помощью выполнить, заметим — весьма корректно выполнен, сложную научную процедуру — привести в максимально достижимое соответствие две достаточно разрозненные сущности, какими являются крестьянские диалектные слова и научная терминология. Рисуем дать совет читателю: пусть у него достанет времени проштудировать первый параграф первой главы, посвященный возрастным слоям, половой и социоловозрастной терминологии. Здесь открывается действительное многообразие названий детей, взрослых (молодежь и семейные), стариков, а также производных от этих названий, отражающих регионально-диалектные оттенки. Следуя за автором, читатель сумеет почувствовать и воспринять правила, по которым язык русских крестьян осуществлял сложнейшие операции — породил терминологию «возрастов» мужского и женского населения, объективно рефлексировал возникшие социоловозрастные изменения и аномалии социоловозрастного развития, вибрил в себя любые иные вариации «называния» возрастов под влиянием реалий жизненного процесса. Открытие пластов возрастной терминологии, несомненно, помогло автору справиться с задачами своего труда. Возможно, что пример Т. А. Бернштам побудит и других этнографов, особенно начинающих, в большей мере опираться на опыт языкознания и этнолингвистики.

В современных описаниях японской культуры часто присутствуют уважительные реплики авторов о способности японцев к восприимчивости и переживанию сотен оттенков цвета. По аналогии с этой сверхчувствительностью жителей Японии к цветовым градациям хочу подчеркнуть одну профессиональную черту Т. А. Бернштам — ее способность вслушиваться в говоры русской речи и обнаруживать в ней множество оттенков смысла. Наверное, эта способность определила и общее высокое литературное достоинство работы. Книга написана не только глубоким аналитиком, опирающимся

на научные представления и строгие теоретические построения, но и человеком, владеющим даром письма. Оттого книга убедительна и заставляет читателя выслушать все, что хотел сказать автор. Сочетание высокой научности труда с умением раскрыть его содержание многократно усиливает общественное значение книги. В период обострения межнациональных отношений и возникновения сложных проблем, касающихся истории и судеб народов нашей страны, полезно иметь образцы бережного отношения к истокам, традициям любой этнической культуры. Книга Т. А. Бернштам воспитывает уважение к корням этнической истории русских, к урокам, которые мы можем извлечь из «живой старины».

Рецензент не ослеплен достоинствами книги. Он пытался донести лишь то, что считал наиболее важным в ее содержании. Недостатки? Они есть. Главный из них: содержание вышло за рамки первоначально утвержденного названия. Изменить название написанной и объявленной в издательских планах книги оказалось делом трудным. В сущности подзаголовок «Половозрастной аспект традиционной культуры» в большей степени имеет право быть заглавием труда Т. А. Бернштам, ибо в поле зрения автора попала не только молодежь, но и все другие «возрасты» русской общины: дети, взрослые, старики.

Последнее. Книга опирается на самые разнообразные источники. Среди них вновь заметно выделяется фонд «Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева», хранимый Государственным музеем этнографии народов СССР. Дела этого фонда (вместе с материалами Географического общества СССР) обеспечили богатые и подробные эмпирические иллюстрации всех трех глав книги, посвященных соответственно половозрастной стратификации русской крестьянской общины и проблемам периодизации жизненного цикла; половозрастному разделению трудовых ролей и обрядовым функциям мужчин, женщин, детей, стариков и молодежи; формам поведения взрослых и молодежи в будни и праздники. Использование Т. А. Бернштам дел Тенишевского архива для достоверного отображения и исследования структур повседневности под углом их связи с половозрастной дифференциацией попутно с рецензированием книги позволяет поставить одну практическую проблему буквально в повестку дня. Не настало ли время публикации материалов Этнографического бюро В. Н. Тенишева в качестве памятника русской крестьянской культуры?

Б. М. Фирсов